

О СМИРЕНИИ И ДОСТОИНСТВЕ (АУДИОБЕСЕДА)

Н.Л. ТРАУБЕРГ

Каждое понятие христианства сочетает несочетаемое. На этом, кстати, весь Честертон построен. Возьмем, скажем, смирение и достоинство. Вот мир думает так: или смирение, но тогда нет достоинства, или достоинство, но тогда нет места смирению. А часто бывает, что нет ни того, ни другого, только одна пустая амбициозность.

Для того чтобы понять, что такое смирение *не на полу, а на воде*¹, человек, приходящий в Церковь, должен знать, чему оно не противоречит. Это не обязательный метод, но это важно — сразу видишь, что все Евангельские понятия двойные, они не такие, как мирские. Это не-евклидова геометрия — в миру эти линии не сходятся, а здесь сходятся. Вот представьте себе, можно так соединить все цвета, что получится белый цвет — это то смирение, которое не противоречит достоинству. А можно просто смешать все акварельные краски и выйдет грязь. Это соединение другого рода. И вот человек чаще всего находится именно здесь, где нет ни смирения, ни достоинства, и, приходя в Церковь, он перемещается, как правило, либо в сторону достоинства при отсутствии смирения, либо в сторону смирения, при отсутствии достоинства, причем в первую чаще, потому что мирская добродетель тяготеет к ценностям стоического типа. Полагают, что смирение — это какая-то пришибленность. Это не пришибленность, оно иной природы, не от мира сего.

Когда человек приходит в Церковь и остается на полу, он думает: «Ну, еще ничего! Я хоть не под пол провалился». Но это, как сказать. В подполе легче перескочить на воду — там жить нельзя, а когда ты на полу, так и будешь всю жизнь думать, что ты в порядке. Вот в этом несчастье нашего обращения.

¹ Имеется в виду один из евангельских эпизодов — «Хождение по водам» [Мф. 14: 28-31]. Наталия Леонидовна считала, что христианин тот, кто решается «идти по воде», т.е. готов целиком отдать себя в Божьи руки.

Я знаю священников, которые принимают этот вариант «на полу». В проповеди непременно надо говорить, что это дом, построенный на песке, а с конкретным человеком, если он на воду не перешел, поспорить невозможно, и требовать от него иного часто жестоко и бессмысленно. Католики, кстати, так действуют всегда. Если человек пришел как сиропиникиянка [Мк. 7: 24-30], т.е. знает про себя, что живет не по Божьи, но просит Бога пощадить его, католический священник так и будет его вести².

В советские годы люди были дико униженные. Когда они оказывались в Церкви, то, прежде всего и главным образом, хотели самоутверждения, и получалось, что шли они не просто куда-то вбок от обращения, а прямо наоборот. Почувствовать себя блудным сыном — об этом не могло быть и речи. Вообще, притча о блудном сыне — это Евангелие в Евангелии. Она про всех нас без исключения, только не все мы еще поняли это, и не все припали к Отцу.

Я думаю, почему Бог выпустил меня сейчас говорить, вести радиопередачи? Я же не хочу говорить! Мне это очень сомнительно и соблазнительно. Слава Богу, не тем, что было бы в молодости до 30. Послушайте, я вам сейчас расскажу, это будет совершеннейшая притча.

Мой бедный папа измерял все в категориях мирского успеха, и он безумно боялся, что дочка окажется неудачницей. Атмосферу этого мира искусства, особенно у киношников, нельзя назвать даже тщеславной, это за пределами, чистое безумие, и очень страшно как всякая страсть.

А я была тогда, естественно, жутко творческой девицей, писала там что-то и думала, что когда-нибудь я буду ТАК писать!

И вот я очень тяжело заболела, причем заболела странной болезнью, которую никак не могли распознать. Начались дикие подъемы температуры, и три месяца мне было очень худо. Жила я тогда ужасно, просто умирала, боялась всего — мамы, советской власти, дико страдала, была вся в каких-то фурункулах. И у меня была такая отдушина — писать. Если бы в то время этот кумир остался, то от меня бы остались сейчас только «рожки да ножки».

И вот, когда я так заболела, я в этом диком жару поняла, что этот кумир надо отдать. Несколько кумиров — счастливую влюбленность, желание писать и науку. Их все надо отдать. Я отдала. Отдала, выздоровела очень быстро. Меня отвезли в 1-ую Градскую, там сделали

² Будучи православной, Наталия Леонидовна хорошо знала католичество, много лет прожив в Литве, общаясь и дружа с католиками.

анализ, увидели заражение крови, но это лечить умеют — переливания плазмы, антибиотики. Вслед за этим я вышла замуж, буквально через 2 месяца. С моим будущим мужем мы были знакомы 23 дня. Я отдала счастливую влюбленность, и — «прими, вот тебе брак». А переводы у меня всегда были, просто я думала, что это временно, что я перевожу, руку, так сказать, разрабатываю, а буду писать сама. И ровно 30 лет не писала ничего. Стала писать тогда, когда для меня это сделалось чисто служебным — надо объяснить мне про Честертона, вот я и пишу.

Это все я рассказываю не для автобиографии, а для свидетельства. Это механика того, как действует Бог. Эти кумиры — жуткая вещь. Проповедовать, «пасти народы», как говорила Ахматова, — не дай Господь! «Не многие делайтесь учителями» [Иак. 3: 1]. И та странность, что меня, такого слабого человека, такого нелепого, который нигде не имеет власти, Господь поставил говорить, по-видимому, дана для того, чтобы я какое-то время передавала опыт этой дикости. Не собственных достижений, у меня их нет, а вот этой дикости, которую у нас очень мало знают.

Записала и подготовила *О.В. Филипповская*

About humility and advantage

N.L. Trauberg